ГОДЪ КІЕВСКІЯ XXXVIII

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1899 года. № 9. 1 Мая.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ[1])

въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Воскресенія день, просвѣтимся людіе!

Нынѣ день Свѣтлаго Христова Воскресенія! Нынѣ день величайшаго торжества и на небѣ и на землѣ! *Нынѣ Христосъ воста отъ мертвыхъ: начатокъ умершымъ бысть.* (1 Кор. XV, 20).

Почтимъ же нынѣ день Воскресенія Христова благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о томъ, какъ возсіялъ и пришелъ онъ нѣкогда. Для сего перенесемся мысленно во Іерусалимъ, во времена Спасителя, въ вечеръ великой субботы, и станемъ внимательно слѣдить за ходомъ событій свѣтлаго дня.

---

[1]) Члена Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества въ духѣ Правосл. Церкви, священника *Ѳ. Титова*.

Тѣло Господа Іисуса Христа почиваетъ во гробѣ. Весь день субботній апостолы и жены мvроносицы проводятъ въ покоѣ, по закону. Въ Іерусалимѣ новый день начинался съ 6 часовъ вечера, такъ что вечеромъ въ субботу можно было уже дѣлать все. Поэтому, Марія Магдалина и другая Марія (Іаковлева—по сыну, Клеопова—по мужу) пошли *видѣти гробъ* (Мѳ. XXVIII, 1) Господа Іисуса, гдѣ неотлучно были ихъ мысли и сердца. Умеръ Христосъ, но не умерла любовь ихъ къ Нему,—любовь, которая и повлекла ихъ ко гробу—узнать, не произошло ли на Голгоѳѣ, или около гроба Господня что либо особенное. Пришедши, онѣ увидѣли, что все было въ томъ же положеніи, какъ было и въ пятницу, когда совершилось погребеніе Господа. Поэтому, онѣ возвратились въ городъ, гдѣ сошлись съ Саломіею (матерію апостоловъ Іакова и Іоанна) и купили всѣ вмѣстѣ ароматовъ, чтобы утромъ помазать тѣло Господа (Мрк. XVI, 1). Онѣ думали, что Іосифъ и Никодимъ не успѣли сдѣлать всего, чтобы оказать послѣднюю честь возлюбленному Учителю. По крайней мѣрѣ, ихъ сердце требовало еще оказать Ему прощальную почесть. Очевидно, что у нихъ не было и мысли о воскресеніи, такъ какъ мvро и ароматы нужны для мертваго, а не для воскресшаго. Зато враги Спасителя тверже помнили предсказанія Его о воскресеніи, хотя, конечно, не вѣрили Ему. Посему, когда съ вечера субботы начался тотъ третій день, въ который, по предсказанію Господа, должно было совершиться Его воскресеніе, враги Его поспѣшили принять мѣры, чтобы ученики Господа не украли тѣла Его въ ночь и не сказали потомъ, что Онъ воскресъ. И вотъ, вечеромъ же въ субботу, въ то самое

время, когда святыя жены были при гробѣ, враги Спасителя отправились къ Пилату, чтобы испросить у него позволеніе приставить ко гробу Господа стражу, которую и привели уже по удаленіи мvроносицъ отъ гроба. Поставивъ стражу на мѣсто, они еще, для большей увѣренности, прикрѣпили гробовой камень веревкою и на концахъ веревки положили печать. Такимъ образомъ, свв. жены не знали, что гробъ Господа окруженъ стражею и запечатанъ. Но Господу угодно было, чтобы смиренныя, любящія жены и не увидѣли этой грозной стражи.

Еще до появленія свв. женъ у гроба, въ таинственный часъ глубокой ночи совершилось великое таинство воскресенія Христова, незримо и невѣдомо ни для кого,— совершилось, *камени запечатану отъ іудей и воиномъ стрегущимъ пречистое Тѣло...* Воскресеніе Спасителя, можно думать, совершилось не прежде полуночи, такъ какъ, по предреченію Господа, оно долженствовало быть тридневное, и потому войти хотя въ первые послѣполуночные часы дня послѣсубботняго. По вѣрованію Церкви, воскресеніе и восхожденіе Христово началось не отъ гроба только, но и отъ ада; ибо Господь, послѣ того какъ въ видимомъ мірѣ умеръ, въ мірѣ невидимомъ даже до ада душею нисшелъ, и души вѣрныхъ тамъ бывшихъ озарилъ, и отъ сѣни смертной извелъ патріарховъ, пророковъ и праведниковъ ветхозавѣтныхъ. Встрѣчая этотъ торжественый хоръ церкви небесной, ангельскій соборъ, который такъ недавно еще смущенъ былъ горестнымъ удивленіемъ, при видѣ Господа, *въ мертвыхъ вмѣнившася*, воспѣваетъ побѣдную пѣснь Спасу, *смертную крѣпость разорившему, и съ Собою Адама*

воздвигшему, и отъ ада вся свобождшему. Сопутствуемый сонмомъ небожителей и изведенныхъ изъ ада человѣческихъ душъ, Духъ Христовъ шествуетъ къ Живоносному гробу оживить почивающую въ немъ Свою Пречистую Плоть, и затѣмъ силою Креста Своего отверзаетъ двери неба и рая и вводитъ вѣрныхъ, вмѣстѣ съ благоразумнымъ разбойникомъ. Такимъ образомъ, воскресеніе Христово ангелы первѣе *поютъ на небесахъ*, и уже потомъ ангелъ сошелъ съ небесъ ко гробу, отвалилъ камень отъ двери гроба и возсѣлъ на камнѣ. Сотрясеніе отъ паденія камня и видъ ангела, котораго ликъ сіялъ, какъ молнія, а одежда блистала, какъ снѣгъ, привели въ трепетъ воиновъ, стоявшихъ у гроба, они упали на землю, какъ мертвые, и потомъ, опомнившись, убѣжали. Земная стража у гроба Господня уступила мѣсто стражѣ небесной. Удаливъ воиновъ, ангелъ Господень открылъ свободный доступъ ко гробу мvроносицамъ и апостоламъ, чтобы они могли войти - посмотрѣть и убѣдиться, что Господь Іисусъ Христосъ воскресъ. Они пришли и поклонились Ему. *Тѣмже и мы съ ними пріидемъ и поклонимся святому Христову воскресенію: се бо пріиде крестомъ радость всему міру, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его.* Аминь.

ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ [1])

въ недѣлю о Ѳомѣ.

Блажени невидѣвшіи, и вѣровавше. (Іоан. XX, 29).

Когда воскресшій Господь явился въ первый день недѣли вечеромъ Своимъ ученикамъ, то среди нихъ не было одного апостола Ѳомы. Услышавъ отъ другихъ апостоловъ радостную вѣсть о воскресеніи Христовомъ, ап. Ѳома сказалъ имъ: „если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его, не повѣрю".

Своими словами ап. Ѳома отнюдь не выражалъ невѣрія въ истину воскресенія Христова. Нѣтъ, онъ любилъ и вѣровалъ въ своего Учителя, онъ скорбѣлъ только о томъ, что не удостоился видѣть Спасителя въ первый день недѣли. Онъ желалъ собственными глазами видѣть и собственными руками осязать своего возлюбленнаго Учителя, какъ и мы иногда, получивъ извѣстіе о прибытіи въ нашъ домъ дорогого лица, котораго мы долго не видѣли и давно ожидали, желаемъ скорѣе собственными глазами увидѣть его и убѣдиться въ его прибытіи.

Снисходя желанію Своего апостола, выходившему изъ такихъ высокихъ побужденій, Спаситель явился снова ученикамъ Своимъ, и въ отвѣтъ на радостное воскли-

---

1) Члена Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества, свящ. *Ѳ. Титова.*

цаніе вѣрующаго ап. Ѳомы: *Господь мой и Богъ мой*,— сказалъ: *ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ меня: блаженни не видѣвшіи и увѣровавше*.

Да, братіе, вѣра, глубокая, полная, искренняя вѣра необходима для спасенія. И никакое знаніе не можетъ замѣнить намъ, или восполнить вѣры. Главный предметъ нашего христіанскаго ученія есть Богъ, Который не можетъ быть понятъ знаніемъ разума, а можетъ быть только усвоенъ вѣрою. Богъ есть Существо неограниченное и невидимое для насъ въ настоящемъ нашемъ состояніи. Поэтому, Богъ выше нашего ограниченнаго разумѣнія. И всякое дѣло „Божіей Премудрости", всякое Божіе созданіе, все Божіе домостроительство нашего спасенія равно недоступны во всей полнотѣ для нашего ума. *Кто разумѣ умъ Господень? или кто совѣтникъ Ему бысть?* (Рим. XI, 34). Еще менѣе извѣстны намъ пути Божественнаго Провидѣнія и всѣ дѣла Божіи, касающіяся искупленія и спасенія согрѣшившаго человѣчества. *О бездна богатства и премудрости, и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его*! говоритъ объ этомъ св. ап. Павелъ (Рим. XI, 33).

Итакъ, вѣра необходима для спасенія потому уже, что въ нашемъ христіанскомъ ученіи многое не можетъ быть и понято и усвоено однимъ разумомъ, безъ вѣры. Но вѣра необходима еще и потому, что она есть подвигъ, спасительный для насъ. Если бы мы вѣрили только тому, что мы видимъ и знаемъ, то съ нашей стороны не было бы здѣсь никакой заслуги. Но когда мы вѣримъ тому, чего сами не видѣли, или чего не можемъ понять, то мы совершаемъ спасительный под-

вигъ и такая вѣра вмѣнится намъ въ праведность. Такую именно вѣру имѣли вотхозавѣтные праведники „которые вѣрою побѣждали царства, творили правду, получили обѣтованія“. О такой же вѣрѣ говоритъ и Спаситель нашъ, сказавшій ап. Ѳомѣ: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавшие.* Аминь.

Пасха въ Малороссіи.

(*Окончаніе* *).

Оканчиваются печальные дни поста... Незамѣтно приближается священная ночь, свидѣтельница великаго чуда воскресенія изъ мертвыхъ Господа. Большинство не ложится спать въ эту ночь; народное чувство въ данномъ случаѣ, очевидно, сопоставляетъ бодрствованіе христіанъ въ пасхальную ночь съ великимъ подвигомъ Божественнаго Страдальца. Нарушившій этотъ обычай, по народному убѣжденію, проведетъ цѣлый годъ въ полусонномъ состояніи. Весь мужской персоналъ деревни заблаговременно отправляется къ церкви.

Обычай раскладывать огни въ ночь предъ св. Пасхой соблюдается почти повсюду въ Малороссіи; но замѣтна разница въ томъ, какъ гдѣ относятся къ этому обычаю. Въ однихъ селахъ онъ низведенъ до дѣтской забавы ребятишекъ, на обязанности которыхъ въ такомъ случаѣ лежитъ забота о поддержаніи костра подбрасываніемъ ими же приносимаго матеріала; въ другихъ селахъ всякій домохозяинъ обязанъ жертвовать для пасхальныхъ огней извѣстную часть горючаго матеріала, а въ случаѣ отказа насильно забираютъ все,

---

*) См. Кіевск. Епарх. Вѣдомости, 1899 № 8.

что можно найти во дворѣ такого хозяина, годное для поддержанія костра возлѣ церкви: доску, ось отъ воза, колеса, ворота, калитку, бревно и т. д.

Мѣстомъ, гдѣ обычно разводятъ пасхальные костры, служитъ церковный погостъ, хотя весьма часто, въ видахъ безопасности для церкви отъ огня, костры раскладываютъ внѣ церковной ограды и даже на улицахъ и площадяхъ. Чаще разводятъ одинъ большой костеръ, но иногда раскладываютъ ихъ нѣсколько.

Пасхальные огни нерѣдко служатъ поводомъ для проказъ молодежи. Подъ предлогомъ достать дровъ для пасхальныхъ огней, парни забираются въ чужіе дворы и тащатъ все, что только можно стащить для костра. Подъ часъ не минуютъ общей участи и дворы хозяевъ-евреевъ. Нерѣдко изъ-за этихъ костровъ подымаются въ пасхальную ночь драки на улицѣ. Отчасти въ виду опасности отъ костровъ, въ отношеніи пожара, полиція запрещаетъ раскладывать пасхальные огни, и въ нѣкоторыхъ селахъ уже перестали жечь пасхальные костры.

Какое объясненіе дается народомъ обычаю зажиганія костровъ въ ночь на Пасху?

Первоначальный смыслъ этого обычая, можно думать, весьма древняго, для многихъ, если не для всѣхъ, какъ можно видѣть, совершенно не ясенъ. На вопросъ, зачѣмъ зажгли костеръ, отвѣчаютъ нерѣдко указаніемъ на практическую необходимость зажечь костеръ въ церковной оградѣ, чтобы дать возможность обогрѣться у огня тѣмъ, кто рано пришелъ къ пасхальной заутрени, или чтобы имѣть достаточный запасъ угля для пасхальнаго богослуженія, такъ какъ расходъ угля особенно значителенъ въ 1-й день Пасхи. Иногда на вопросъ, зачѣмъ зажигаютъ огромные костры возлѣ церкви при обхожденіи вокругъ церкви, предъ началомъ заутрени, селяне отвѣчаютъ, что они „дѣдовъ грѣютъ". Пожалуй, можно встрѣ-

тить и такое объясненіе пасхальныхъ костровъ, будто они напоминаютъ собою тотъ огонь, который горѣлъ во дворѣ первосвященника Каіафы, возлѣ котораго грѣлись ап. Петръ и слуги первосвященника, когда Іисусъ Христосъ былъ приведенъ къ Каіафѣ на судъ. Но это уже чисто книжное объясненіе и во всякомъ случаѣ не народное. Обычаи, соединяемые съ зажиганіемъ пасхальныхъ костровъ въ нѣкоторыхъ селахъ, даютъ основаніе видѣть въ пасхальныхъ кострахъ остатки языческаго культа. Вотъ что, напримѣръ, можно наблюдать въ с. Деринжѣ Бендерскаго уѣзда. Нарочито для пасхальныхъ огней заготовляютъ смоляныя бочки и располагаютъ ихъ вокругъ церкви на значительномъ растояніи одну отъ другой. Кромѣ того, каждый домохозяинъ обязанъ принести еще свою вязанку дровъ и бросить на бочку. Кто не хочетъ сдѣлать этого добровольно, того заставляютъ силою. Къ назначенному времени, предъ самымъ началомъ заутрени, къ церкви приводится бѣлая лошадь, покрывается покрываломъ въ родѣ скатерти разноцвѣтной или разноцвѣтной попоны, съ подвѣшанными къ концамъ ея бубенчиками и разными побрякушками. На эту лошадь садится видный парень, объѣзжаетъ на ней 3 раза вокругъ церкви и останавливается въ выжидательной позѣ на западной сторонѣ храма. На сѣверной сторонѣ отъ храма располагаются въ то же время другъ противъ друга два дюжихъ парня для состязанія въ борьбѣ съ обнаженными руками, ногами до колѣнъ и головой. Чуть только раздается въ первый разъ пѣніе пасхальн. тропаря „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“, какъ въ одну минуту разомъ зажигаютъ смоляныя бочки, борцы вступаютъ въ состязаніе, а гонецъ на лошади разъѣзжаетъ сначала вокругъ церкви, потомъ далѣе по селу, крича во весь голосъ всѣмъ встрѣчнымъ—„Христосъ воскресъ“ на трехъ языкахъ: болгарскомъ, молдавскомъ и русскомъ. Горящія бочки производятъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ при этомъ

и очень напоминаютъ собою купальскіе огни, символизирующіе собою солнце. Можетъ быть и на самомъ дѣлѣ все описанное—остатокъ языческаго праздника въ честь солнца, перенесенный на самое начало великаго христіанскаго праздника, и имѣетъ то значеніе, что и другіе весенніе языческіе праздники: празднуется наступленіе весны, поворотъ солнца на лѣто. Въ другихъ селахъ состязаніе въ борьбѣ и лошадиный бѣгъ отодвигаются на первый, второй и даже третій день праздника.—Замѣчательно, что въ этомъ же селѣ, Деринжѣ, есть обыкновеніе изгонять изъ села всѣхъ евреевъ на время праздниковъ, такъ что въ теченіе всей свѣтлой седмицы евреи не осмѣливаются показаться въ селѣ.

Въ пасхальную ночь молодежь старается непремѣнно умыться тою водою, въ которую предварительно были положены красныя яйца и серебряныя монеты. Вѣроятное объясненіе этого обыкновенія можно указать въ естественномъ для молодежи желаніи быть, „какъ кровь съ молокомъ", т. е., красное яйцо указываетъ на желаніе умывающагося имѣть здоровый румянецъ лица, а бѣлыя (серебряныя) монеты указываютъ на желаніе имѣть такую же бѣлизну кожи. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селахъ умываются водою, въ которую опускаютъ вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ мѣдный пятачокъ, а не серебряную монету,—и тогда, можно думать, монета указываетъ на желаніе умывающагося сдѣлаться богатымъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ монеты совсѣмъ не кладутся въ воду для умыванія, а только красныя яйца.

Нѣкоторыя изъ мущинъ идутъ высматривать, не горитъ ли гдѣ кладъ. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что всѣ незаклятые клады горятъ во время чтенія „дѣянія". Повѣрье это языческаго характера: оно ничуть не разнится отъ того вѣрованія славянъ, будто въ ночь подъ Ивана Купала можно найти кладъ, или, по крайней мѣрѣ, средство отыскать кладъ (цвѣтъ папоротника), чудодѣйственныя травы (въ родѣ „разрывъ травы"), исцѣлить свои недуги (купаньемъ въ водѣ) и т. п.

Среди глубокой тишины пасхальной ночи въ полночь раздается глубоко-знаменательный и торжественный звонъ церковный, вѣстникъ воскресенія изъ мертвыхъ Побѣдителя ада и смерти Христа Жизнодавца. Невозможно передать, сколько онъ будитъ въ душѣ самаго искреннаго, радостнаго чувства... По его призыву, поднимаются всѣ и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, спѣшатъ въ церковь, кто возомъ, кто пѣшкомъ, дѣтей тоже берутъ; въ домѣ не оставляютъ по возможности никого. Дѣти кучами сидятъ одни подъ церковью, другія на колокольнѣ, а большая половина на возахъ. Огни горятъ повсюду, но особенно сіяетъ ими св. храмъ Божій, уже весь наполненный молящимися: на лицахъ ихъ не видно усталости, нѣтъ слѣдовъ заботы, а только видна одна свѣтлая радость, одно религіозное одушевленіе и священный восторгъ вѣрующаго сердца.

Староста или пономарь приказываютъ выносить хоругви, народъ оставляетъ церковь. „Паруботство" выноситъ хоругви и крестъ, пожилые—образъ Воскресенія Христова, евангеліе и артосъ, а четыре почтенные старика несутъ плащаницу. Староста или сторожъ, осмотрѣвъ церковь, чтобы никого въ ней не осталось, запираютъ дверь замкомъ и сторожатъ, чтобы какая-нибудь вѣдьма не взялась за замокъ. Въ храмѣ между тѣмъ раздается радостная вѣсть Воскресенія Христова: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ". Душа наполняется неземнымъ восторгомъ; всѣ предвзятыя житейскія соображенія уносятся прочь, и на праздничный привѣтъ священника: „Христосъ воскресе" изъ тысячи грудей раздается единодушный, радостный отвѣтъ: „воистину воскресе!" Возгласъ этотъ слышится теперь не только въ храмѣ, но и за предѣлами его, такъ какъ церковь не вмѣщаетъ множества молящихся. И много разъ послѣ этого торжественная тишина пасхальной ночи нарушается то этимъ радостнымъ возгласомъ, то колокольнымъ звономъ.

Когда первый разъ запоютъ „Христосъ воскресе“, охотники, стоящіе съ ружьями на дворѣ, стараются въ эту минуту выстрѣлить. Они увѣрены, что ихъ выстрѣлъ въ это время убиваетъ чорта.

Во время пасхальной заутрени можно видѣть въ церкви вѣдьмъ, съ рогами и кувшинами съ молокомъ на головахъ. Средствомъ для этого служитъ слѣдующее: нужно взять кусокъ дерева изъ гроба мертвеца, со скважиною, образуемою выпавшимъ сучкомъ, смотрѣть сквозь эту скважину, но съ тою предосторожностью, чтобы не отдѣляться отъ толпы: въ противномъ случаѣ вѣдьмы задушатъ любопытнаго. Строго наблюдаютъ за женщинами, которыхъ подозрѣваютъ, что онѣ вѣдьмы, такъ какъ, по мнѣнію крестьянъ, всякая изъ нихъ должна непремѣнно коснуться рукою одинъ разъ священника, или во время хожденія вокругъ церкви съ плащаницею, или же послѣ того, какъ священникъ возвратится въ церковь.

На привѣтствіе священника „Христосъ воскресе“, нѣкоторые, ставъ въ углу и держа въ рукахъ серебряную монету, вмѣсто „во истину воскресе“, отвѣчаютъ: „анталюзъ маю“. Отъ этого монета, которую держатъ въ рукахъ, получаетъ чудесную силу возвращаться къ хозяину: попавши въ число чужихъ денегъ, она не только возвратится сама, но и приноситъ хозяину всѣ лежавшія съ нею деньги. Пріобрѣсть такую монету можно еще такимъ образомъ. Взять въ этотъ день рубль и носить въ карманѣ. Если кто скажетъ: „Христосъ воскресъ“, то ему нужно громко отвѣтить: „а въ мене карбованець есть“.—Такъ слѣдуетъ повторять до трехъ разъ. Такой рубль называется „инслиза“. Другіе же думаютъ, что если на первый возгласъ священника „Христосъ воскресе“ не отвѣтить: „воистину воскресе“, а пожелать чего либо, то желаніе непремѣнно исполнится.

Пасхальная утреня и литургія кончились. Торжественная процессія, съ крестомъ, хоругвями, со святою водою, въ

предшествіи священнослужителя, выходитъ на церковный погостъ, гдѣ непрерывной цѣпью размѣстились прихожане съ пасхальными яствами. Никто не рѣшится ѣсть въ этотъ праздникъ неосвященнаго: это считается грѣхомъ, нарушеніемъ святости праздника. Совершается освященіе праздничныхъ брашенъ. И этотъ благочестивый обычай также очень древній и восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства; извѣстный литургистъ Гоаръ приводитъ древнѣйшее свидѣтельство Ціаконія, который, защищая этотъ обычай противъ возраженія манихеевъ, говоритъ: „Теперь же, на св. Пасху, приносятъ для благословенія священникамъ яйца, мясо, козлятъ и ягнятъ, хлѣбы, пироги и т. п.“.

По освященіи пасхи, каждый изъ крестьянъ наперерывъ старается раньше другихъ прійти домой и разговѣться. Если при разговѣньи смѣются, то говорятъ, что тогда дьяволъ ходитъ въ хатѣ въ золотой шапочкѣ-невидимкѣ.

Самый обрядъ разговѣнья совершается такъ:

По возвращеніи изъ церкви, хозяинъ обходитъ три раза вокругъ стола, съ мискою, наполненною „свяченымъ“, и ставъ лицомъ къ иконамъ, разрѣзываетъ на тарелкѣ нѣсколько яицъ, частицы ихъ даетъ каждому члену семейства и говоритъ: „дай, Боже, ще на той рикъ дочекаты свiтлого праздныка Воскресенія Христова въ щасти и здоровьи!“.

Разговляются также просто пасхой или просфорой.

Положивши на столъ освященное съѣстное, всѣ садятся вокругъ стола и пьютъ водку, обращаясь одинъ къ другому, начиная съ хозяина, стараясь при этомъ не уронить крошекъ „свяченого“ на полъ, а оставшіяся на столѣ крохи бросаютъ въ огонь, чтобы этихъ остатковъ не съѣли мыши, такъ какъ есть повѣрье, что если мышь съѣстъ хотя малѣйшую крошку „свяченого“, то немедленно превращается въ „кожана“ (летучую мышь).

Послѣ разговѣнья, умываясь, кладутъ въ миску два яйца

и мелкую монету, а потомъ воду сливаютъ или на огонь, или въ прудъ.

Кто на Пасху пьетъ за обѣдомъ воду, тотъ никогда не пообѣдаетъ безъ воды. Платокъ, или что нибудь иное, чѣмъ обтираютъ писанки, прячутъ и подкуриваются имъ во время болѣзни.

Послѣ разговѣнья, молодежь спѣшитъ обыкновенно опять къ церкви. Парубки другъ у друга перебиваютъ честь начать праздничный трезвонъ, не смолкающій потомъ въ теченіе всей недѣли и по крайней мѣрѣ—первыхъ трехъ дней; позвонившій первымъ будетъ пользоваться, по народному повѣрію, удачей въ ловленіи пчелиныхъ роевъ, или будетъ имѣть хорошій урожай гречихи. И старъ и младъ теперь христосуются другъ съ другомъ, произнося праздничныя привѣтствія и цѣлуясь при этомъ. Обычай христосованья какъ нельзя болѣе подходитъ къ духу самого праздника и лучшимъ образомъ выражаетъ глубокій его смыслъ; цѣлованіе—наилучшая форма выраженія нашего братства и любви другъ къ другу. Въ древней христіанской Церкви со временъ апостоловъ цѣлованіе употреблялось каждый разъ при совершеніи литургіи; цѣловались не только священно-служащіе, но и предстоящіе—міряне. Обычай этотъ существовалъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ; онъ существовалъ еще во время св. Іоанна-Златоуста. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ о немъ христіанамъ: „да памятуемъ, братія, и тѣ святыя цѣлованія, которыя при благоговѣйныхъ объятіяхъ даемъ другъ другу“. Потомъ, вслѣдствіе злоупотребленія, обычай этотъ былъ уничтоженъ и остался лишь между священнослужителями; всѣми же другими христіанами онъ возобновляется въ дни Свѣтлаго Христова Воскресенія, чтобы свидѣтельствовать о томъ значеніи, какое имѣетъ это великое событіе для возрожденнаго человѣчества.

При христосованіи употребляются обыкновенно пасхаль-

ныя яйца - крашанки (иначе—галунки) и писанки. Яйцо получило важное религiозно-обрядовое и символическое значенiе задолго до христiанства въ повѣрьяхъ и бытѣ древнихъ культурныхъ народовъ, какъ символъ солнца, которое занимаетъ первое мѣсто въ языческихъ культахъ. Чествованiе яйца обусловлено было мыслью о весеннемъ возрожденiи солнца, а вмѣстѣ съ нимъ—всей творческой силы природы. Въ повѣрьяхъ и сказанiяхъ славянскихъ народовъ сохранилось много остатковъ этого общечеловѣческаго воззрѣнiя; но вмѣстѣ съ тѣмъ старой формѣ дано здѣсь новое содержанiе; яйцо получаетъ у христiанъ религiозное значенiе. О началѣ обыкновенiя употреблять на Пасху красныя яйца въ Грецiи сохранилось особое преданiе, по которому основательницей этого обычая является св. Марiя Магдалина. По вознесенiи Спасителя на небо, св. Марiя Магдалина, пришедъ въ Римъ для проповѣданiя Евангелiя, предстала предъ императоромъ Тиберiемъ, поднесла ему красное яйцо и сказала: „Христосъ воскресе". Такимъ образомъ она начала свою проповѣдь. Первые христiане, узнавъ объ этомъ приношенiи св. Марiи Магдалины, начали подражать—дарить другъ другу яйца. Константинъ Экономидъ (греческiй ученый 30-хъ годовъ текущаго столѣтiя) въ одной рукописи X вѣка, находящейся въ монастырѣ св. Аѳанасiя (вблизи Ѳесалоникъ), нашелъ замѣчанiе, что крашанки существуютъ отъ апостольскихъ временъ и начало сему обычаю положила св. Магдалина (Калинскiй, въ Запискахъ геогр. общ. 1877, VII, 461). Соотвѣтственно этому общехристiанскому преданiю, въ Малороссiи существуетъ много легендъ, болѣе или менѣе къ нему близкихъ. Разнообразныя по формѣ, онѣ сходственны по значенiю, выражая ту мысль, что яйцо, заключающее въ себѣ таинственно новую жизнь, служитъ символомъ воскресенiя Христова, а красный цвѣтъ, въ который по преимуществу окрашиваются пасхальныя яйца—крашанки, служитъ напоминанiемъ пре-

чистой крови Господа Искупителя, пролитой на крестѣ для спасенія всѣхъ людей. Одна народная легенда говоритъ: „якъ яйце мертве и зъ него жыве курча выходе, такъ Христосъ бувъ мертвый и намъ даровавъ жизнь“ („Писанки“, проф. Сумцова). Неизвѣстно, когда у насъ писанки вошли въ употребленіе; по всей вѣроятности, онѣ проникли къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ XVII в. онѣ были уже сильно распространены, что указываетъ на древнѣйшій обычай. Бопланъ, служившій въ Украинѣ въ половинѣ XVII в., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ Страстную субботу всѣ идутъ въ церковь для присутствованія при церемоніи, которая состоитъ въ томъ, что кладутъ во гробъ изображеніе Спасителя и потомъ вынимаютъ оное съ большимъ торжествомъ. Послѣ сего мужчины и женщины, юноши и дѣвицы, преклонивъ колѣна предъ владыкою, т. е. епископомъ, подаютъ ему по яйцу, расписанному красною или желтою краскою, говоря: „Христосъ воскресъ“. Епископъ, взявъ яйцо, отвѣчаетъ: „Воистину воскресъ“ и цѣлуетъ всѣхъ. Митрополитъ Могила, глава всѣхъ украинскихъ епископовъ, исполняетъ обрядъ сей въ Кіевѣ такъ же, какъ и самый бѣдный сельскій священникъ, который по-малороссійски называется (панъ-отецъ). Въ продолженіе восьми дней нельзя выйти изъ дому безъ добраго запаса крашеныхъ яицъ, чтобы христосоваться оными со всѣми друзьями“. На религіозный характеръ пасхальныхъ писанокъ указываютъ религіозно-христіанскія формы ихъ рисунка, весьма распространенныя въ Малороссіи. Попадаются на писанкахъ надписи религіознаго характера, изображенія Спасителя, Пресвятой Дѣвы Маріи, ангеловъ, чаши. Религіозное значеніе имѣетъ самый популярный писаночный рисунокъ—сорокаклинцы: писанка означаетъ или сорокадневный постъ или сорокъ св. мучениковъ (мѣстами ее раскрашиваютъ въ день сорока мучениковъ). Есть писанки подъ названіемъ „плащаныця“ (въ видѣ равносторонняго че-

тырехконечнаго креста съ какими то четырьмя своеобразными цвѣтными завитушками по угламъ, въ пересѣченіи крестовыхъ линій), „церковка", „дзвинъ", „попови рызы". Писанка подъ названіемъ „пчола" указываетъ, по всей вѣроятности, на 17 марта, день св. Алексѣя человѣка Божія, который, по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ, покровительствуетъ пчеловодству. Встрѣчается писанка подъ названіемъ „калытки"; быть можетъ, писанка эта указываетъ на Іудинъ кошелекъ, который помѣщается часто въ числѣ орудій, изображаемыхъ на иконахъ Страстей Христовыхъ. Весьма распространены крестовыя писанки—съ изображеніемъ креста. Формы креста на писанкахъ весьма разнообразны. Чаще всего встрѣчается обыкновенный греческій крестъ—четырехконечный и равносторонній, въ видѣ котораго строятся православныя церкви. Самое приготовленіе писанокъ имѣетъ религіозный характеръ. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи къ приготовленію писанокъ приступаютъ отговѣвшись. Время ихъ приготовленія, за немногими исключеніями,—четвергъ, пятница и суббота Страстной недѣли. Обрядовое употребленіе крашанокъ и писанокъ пріурочено преимущественно къ Свѣтлой и Ѳоминой недѣлямъ, хотя продолжается отчасти до Вознесенія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ писанка имѣетъ при этомъ суевѣрное значеніе. Съ писанкой въ карманѣ одинъ изъ членовъ семейства выстаиваетъ Дѣянія и утреню въ ночь подъ Свѣтлое Воскресеніе и затѣмъ сохраняетъ эту писанку, какъ домашній талисманъ, въ теченіе года. Собираясь къ заутрени въ Свѣтлое Воскресеніе, дѣвицы умываются водой, въ которой были писанки, для полученія здоровья и красоты. Писанка, полученная въ первый день Пасхи отъ священника, считается предохранительнымъ средствомъ отъ пожара; въ случаѣ пожара писанку эту бросаютъ въ ту сторону, откуда дуетъ вѣтеръ, чтобы дать ему другое направленіе. Пасѣчникъ идетъ на Пасху христосоваться съ пчелами и несетъ имъ писанку „без-

конечникъ", которую и кладетъ подъ первый или покутній улей, чтобы пчелы роились безконечно. Съ писанки или крашанки начинается разговѣнье; писанками обыкновенно размѣниваются при христосованіи.

Вслѣдъ за молодежью, отдохнувъ немного, собирается къ церкви и болѣе пожилая часть населенія. Молодежь заводитъ игры, поетъ, играетъ въ пасхальныя яйца или просто въ „бытки"; всеразрушающимъ биткомъ считается яйцо цесарки; строго преслѣдуется каменное яйцо и, по обычному праву, такое яйцо нерѣдко запускается въ голову его владѣльца.

Всѣ вообще проводятъ дни Пасхи строго-трезвенно; нѣтъ того праздничнаго разгула, какой можно видѣть въ другіе праздники. Старики мирно бесѣдуютъ, глядя на игры молодежи, о старыхъ временахъ и, конечно, сводятъ разговоры на великія праздничныя событія. Кто нибудь разсказываетъ о „Рахманахъ", о „рахманьскомъ велыкоднѣ", объ отверзтыхъ райскихъ вратахъ во время праздника Пасхи, о не умирающей до сихъ поръ стражѣ, которая приставлена была ко гробу Спасителя.....

Народъ вѣритъ, что стража, приставленная ко гробу Господню, и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ. Она состоитъ изъ двухъ евреевъ и оба они живы и, „якъ мисяць старый, той воны стари-старезни, ажъ трусятця, а якъ мисяць молодый, той воны молоди, наче имъ по двадцятому годочку"; на вопросъ „колы вы прыйшлы?"—они отвѣчаютъ: „вчора"; „а колы пидете?"—„взавтра".

Преданіе о рахманахъ перешло къ намъ изъ Греціи, откуда попало въ лѣтописныя хроники, а оттуда распространилось и въ народѣ. Рахмане—это миѳическій, благочестивый народъ, живущій въ какой-то неизвѣстной счастливой странѣ, и до того счастливый, что не наблюдаетъ даже обычныхъ дѣленій времени. Одинъ только разъ въ году обнаруживаютъ

они интересъ къ исчисленію времени, чтобы опредѣлить, когда будетъ праздникъ Пасхи. О времени Пасхи узнаютъ они по скорлупѣ пасхальныхъ яицъ, которая приносится въ страну ихъ проточною водою; тогда они празднуютъ свой „рахманьскій вылыкдень". Потому-то въ Малороссіи принято бросать во время Свѣтлаго Праздника въ рѣку нѣсколько яичной скорлупы, чтобы извѣстить рахмановъ о наступленіи праздника Пасхи.

По народному вѣрованію, на первый день Пасхи отворяется пресвѣтлый рай, и врата его остаются открытыми во всю Свѣтлую недѣлю; поэтому, всякій, кто умретъ въ эту недѣлю, признается святымъ, и душа его прямо входитъ въ рай. Мысль эта родилась въ народномъ представленіи, какъ видно, частію подъ вліяніемъ церковныхъ пѣснопѣній, въ которыхъ возвѣщается всеобщее прощеніе, частію подъ вліяніемъ церковнаго обычая открывать въ храмахъ на всю пасхальную седмицу царскія двери. Отверстіе-же этихъ вратъ, по объясненію св. Іоанна-Златоуста, означаетъ отверстіе небесъ (Бес. на посл. къ ефес., 198); а въ объясненіе того, почему изъ обычнаго чина отпѣванія усопшихъ удерживается очень немногое при погребеніи ихъ въ дни Пасхи, въ требникѣ сказано: „въ покаяніи умершій (въ эти дни), аще и неудовлетворилъ есть о своихъ согрѣшеніихъ, молитвами церковными оставляется ему, и отъ удержанія свободится".

Но вотъ наступаетъ вечеръ перваго дня Пасхи. Вмѣсто непрерывнаго въ теченіе цѣлаго дня, учащеннаго звона, раздается торжественно-мѣрный благовѣстъ къ пасхальной вечернѣ. На вечернѣ этой совершается помазаніе присутствующихъ освященнымъ елеемъ, такъ называемое „мированіе"; производится оно по возможности на открытомъ воздухѣ, на церковномъ погостѣ. Чудное, неизгладимое впечатлѣніе производитъ эта радостная пасхальная служба на лонѣ ликующей отъ весенняго возрожденія природы....

Вечеромъ, на первый день Пасхи стараются отужинать до захода солнца, въ противномъ случаѣ нападетъ куриная слѣпота.

Въ понедѣльникъ Пасхи крестьяне ходятъ другъ къ другу, христосуются и мѣняются писанками.

Оттого этотъ день называется „волочинникомъ". Ходятъ съ поздравленіями (преимущественно, дѣти) къ роднымъ, повивальнымъ бабкамъ, знакомымъ, къ священнику и помѣщику своего села, принося въ даръ „волочильнее", состоящее обыкновенно изъ пшеничнаго калача и нѣсколькихъ крашанокъ. Въ этотъ же день парубки, при встрѣчѣ съ дѣвушками, обливаютъ ихъ водою; за это послѣднія дарятъ ихъ крашанками.

Въ теченіе первыхъ двухъ пасхальныхъ дней крестьяне проводятъ почти все время на церковномъ погостѣ. На третій день они собираются въ корчму на „музыки". Въ продолженіе праздниковъ молодежь обоего пола заводитъ разныя игры съ хороводами.

Для порядка въ играхъ, молодежь выбираетъ изъ своей среды единогласно отамана, отаманшу, подъ-отамана и подъотаманшу.

При складчинахъ, парубки передаютъ деньги отаману, а дѣвушки—отаманшѣ [1]).

Л.

---

[1]) Настоящая статья составлена на основаніи, главнымъ образомъ, слѣдующихъ матеріаловъ: „Труды этнографическо-стат. экспедиціи въ западнорусскій край", т. III; „Великдень у Подолянъ" А. Свидницкаго; „Священные дни Страстной седмицы и Пасхи въ церковно-народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ" А. Лотоцкаго; „Пасхальные обычаи въ Бессарабіи" В. Кудриновскаго и другихъ.

Образовательныя средства православнаго духовенства Подольской Украйны во второй полов. XVIII и въ началѣ XIX вв.

(*По поводу 75-ія Уманскаго духовнаго училища. Историческая замѣтка*).

(*Окончаніе* [1]).

При новыхъ условіяхъ исторической жизни, жизнь духовенства на первыхъ порахъ, по присоединенія Украйны къ Россіи, мало или даже вовсе не измѣнилась: она продолжаетъ испытывать тотъ же недостатокъ въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Правда, съ присоединеніемъ къ Россіи, украинскому духовенству стало свободнымъ общеніе съ Кіевомъ и, очевидно, оно воспользовалось представившеюся ему возможностью отдавать своихъ дѣтей въ Кіевскую школу, о чемъ говоритъ значительное увеличеніе учащихся въ низшихъ классахъ кіевской коллегіи. Напр., въ годъ ея реформы (1817 г.) въ трехъ грамматическихъ классахъ было 239 учениковъ, а въ синтаксисѣ 21 [2]). Если въ числѣ ихъ значительный процентъ составляли дѣти украинскаго духовенства, то это можно утверждать лишь о послѣднихъ годахъ дореформенной академіи; на первыхъ же порахъ по присоединеніи, украинское духовенство продолжало пользоваться мѣстными средствами просвѣщенія, т. е. дьячковскими школами и иногда базиліанскими, не находя въ жизни побужденій расширить свое образованіе. Еще оставались прежніе распорядки приходской жизни, гдѣ руководящая роль принадлежала громадѣ, не измѣнившей своихъ требованій къ кандидатамъ священства и отдававшей предпочтеніе питомцамъ дьячковскихъ школъ предъ «латынниками». И въ началѣ XIX в., какъ и раньше, священники еще получали практиче-

[1]) См. Кіев. Епарх. Вѣдом., 1899 г. № 8.
[2]) Кіев. Епарх. Вѣдомости. 1871 г. № 19.

скую подготовку и необходимыя знанія въ приходскихъ школахъ, поступая въ науку къ какому либо знаменитому въ околодкѣ знаніемъ устава и голосомъ дьячку. Типъ такого дьячковскаго генія нарисовалъ Е. Крыжановскій въ лицѣ учителя своего отца, дьяка Яна. Этотъ Янъ воспиталъ цѣлыя поколѣнія священниковъ и дьячковъ, его метода славилась особеннымъ духомъ, тономъ и выдержкою. Вся эта наука заключалась въ обученіи чтенію и письму,—въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, прислуживаніи въ алтарѣ священнику,—въ хожденіи съ причтомъ по требамъ и въ практическихъ указаніяхъ о поведеніи дьячка—діакона—священника при богослуженіи. Питомцы такихъ школъ особенно нравились сельскимъ громадамъ и наполняли собою ряды духовенства,—священникъ же изъ «ученыхъ» («т. е. окончившихъ курсъ академіи до 1817 г. или семинарію) былъ рѣдкимъ явленіемъ. Такъ, по словамъ Е. М. Крыжановскаго, даже въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ благочиніи его отца (въ Кіев. губ.), состоявшемъ изъ 18-ти приходовъ, былъ только одинъ священникъ, окончившій курсъ новооткрытой Кіевской Семинаріи, всѣ прочіе священники были «псалтырники», «дьячковскіе богословы» [1]). Этихъ добродушныхъ, простыхъ и жизнерадостныхъ священниковъ начала нашего столѣтія мы созерцаемъ въ типахъ повѣсти И. С. Левицкаго. «Старосвѣтскіе батюшки и матушки».—Такимъ образомъ, значительное большинство украинскаго духовенства въ XVIII в. и въ началѣ XIX-го не получало спеціальнаго школьнаго приготовленія къ духовному служенію,—пріобрѣтало въ дьяковскихъ лишь школахъ навыкъ въ церковно-богослужебной практикѣ. Между тѣмъ, условія ново-присоединенной къ Россіи Украйны заставляли многихъ сознавать неудовлетворительность того образованія, какое получалось въ приходскихъ школахъ. Во 1-хъ, въ краѣ еще не утихло вызванное уніей религіозное движеніе, правда, потерявшее теперь свою остроту и интенсивность. Съ присоединеніемъ Украйны къ русскому государству, началось возвращеніе въ лоно православія насильно отторгнутыхъ въ унію приходовъ; такъ, въ 1794 г. въ Уманское

---

[1]) Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія по воспоминаніямъ дѣтства. Кіев. Стар. 1882 г. Октябрь стр. 46 и др.

духовное Правленіе поступило 43 заявленія о возвращеніи въ православіе. Во вторыхъ, подъ скипетромъ русскаго царя край получилъ возможность свободнаго развитія своихъ духовныхъ и экономическихъ силъ,—что повліяло на измѣненіе общественнаго и экономическаго положенія духовенства. До конца 18 в. южнорусское духовенство не существовало, какъ особое сословіе, отличное отъ народа, въ особенности это нужно сказать о духовенствѣ православномъ въ Польской Украйнѣ. Въ той части кіевской епархіи, которая издавна (1686 г.) входила въ составъ русскаго государства, этотъ процессъ выдѣленія духовенства въ особое сословіе начался гораздо раньше и уже въ 1778 г. окончательно были преобразованы сельскіе приходскіе штаты; а въ частности митрополиты кіевскіе рѣшительно предпочитали всѣмъ другимъ дѣтей духовенства, какъ кандидатовъ на духовныя должности. Напр., митрополитъ Гавріилъ Бужинскій въ 1771 г. сдѣлалъ распоряженіе, чтобы кандидатами даже на должность дьячка считались только дѣти духовныхъ родителей, но отнюдь не разночинцевъ [1]). Съ присоединеніемъ Украйны и здѣсь стало проводиться это начало строгаго подчиненія духовенства и всего строя церковно-приходской жизни высшимъ мѣстнымъ епархіальнымъ управленіемъ и выдѣленія духовенства изъ среды народа въ особое сословіе; теперь автономія приходскихъ «громадъ», избиравшихъ себѣ священника и дьячка, совершенно изчезаетъ; приходы даются архіереемъ только изучившимъ богословіе, «яко мужамъ учительнымъ», и въ среду духовенства можно попасть только путемъ долгаго ученія въ школѣ; теперь священникъ получаетъ разныя земельныя угодья безъ всякаго обязательства предъ помѣщикомъ, чего не знаютъ прихожане; священникъ, наконецъ, стоитъ въ иныхъ отношеніяхъ къ правительству. Прежде отношенія его къ власти были общи съ прихожанами; въ глазахъ же русскаго правительства священникъ—лицо оффиціальное, представитель и опора религіозно-государственной идеи, проводникъ въ приходѣ инте-

[1]) Подроб. см. у Е. Крыжановскаго: Очерки быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ XVIII в. Руковод. для сельск. пастырей. 1861 г. III стр. 579 и др.

ресовъ и намѣреній правительства, пользующихся привилегіями недоступными для поселянина. Вслѣдствіе этихъ причинъ произошла рѣзкая перемѣна въ общественномъ положеніи духовенства, перемѣна въ частной жизни и домашнемъ быту, отличающая его отъ быта народнаго, начиная отъ стола и до внутренняго ощущенія, до душевнаго такта.—При такихъ условіяхъ религіозно-церковной и общественно-экономической жизни, питомецъ приходскихъ школъ, стоявшій на одномъ уровнѣ религіознаго знанія съ своими прихожанами или мало чѣмъ превосходившій ихъ въ этомъ отношеніи, являвшійся представителемъ ихъ міросозерцанія, чувствовалъ недостатокъ своихъ духовныхъ силъ, когда, какъ представитель православной церкви, долженъ былъ выступить на свободную борьбу съ уніей, имѣя достаточный запасъ богословскихъ знаній, когда, какъ членъ новаго сословія, долженъ былъ уразумѣть запросы жизни, опредѣлить свое поведеніе въ обществѣ и свои отношенія къ нему. Что же могло дать духовенству силу и возможность стоять на высотѣ требованій и нуждъ тогдашней церковной и общественной жизни? Отвѣтъ одинъ: широкое школьное образованіе. И духовенство глубоко почувствовало нужду въ широкомъ школьномъ образованіи, которое одно давало доступъ къ пастырству. Не находя удовлетворенія своимъ просвѣтительнымъ запросамъ въ своихъ приходскихъ школахъ, духовное юношество, томимое жаждой просвѣщенія, обращается къ инославному источнику: поступаетъ въ уманскія базиліанскія училища. По словамъ одного изслѣдователя старины, запасъ свѣдѣній, сообщаемыхъ воспитанникамъ въ базиліанскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не былъ обширенъ, но надобно сказать правду—учили хорошо по тогдашнему времени, предоставляя при томъ широкую возможность попасть въ школу богатому и бѣдному, способному и малоспособному,—словомъ, всякому желающему учиться [1]).

Съ внутреннимъ строемъ Уманскихъ базиліанскихъ школъ начала XIX в. можно познакомиться по воспоминаніямъ питомца ихъ—священника Подольской губерніи о. Хмѣлевскаго [2]). По его

[1]) Труды Подол. Ист.-Стат. Ком. в. VIII стр. 419.

[2]) Изъ воспоминаній свящ. о. Хмѣлевскаго объ упраздненномъ базиліанскомъ училищѣ въ г. Умани Кіев. Стар. 1892 г. т. 38.

словамъ, главною обязинностью начальниковъ и наставниковъ школъ было воспитаніе юношества въ повиновеніи и преданности обрядамъ и уставамъ римско-католической церкви. Безспорно, обученіе въ инославной школѣ не могло благотворнымъ образомъ отразиться на развитіи православныхъ убѣжденій будущихъ кандидатовъ священства. Учителя всячески вытравляли въ православныхъ ученикахъ православныя убѣжденія и все ученіе вели въ инославномъ духѣ. При такой системѣ воспитанія создался особый типъ священниковъ, которые съ поразительною легкостью и по нѣсколько разъ мѣняли одно вѣроисповѣданіе на другое [1]). По истинѣ печальное явленіе: имѣющіе быть православными пастырами получаютъ образованіе въ католической школѣ... Оно можетъ быть объяснено крайнею нуждою въ образованіи и недостаткомъ православныхъ систематическихъ учебныхъ заведеній. Удовлетворить этой потребности въ просвѣщеніи и поспѣшила комиссія духовныхъ училищъ (1808 г.), выработавшая проектъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній въ цѣлую систему школъ съ разнымъ образовательнымъ курсомъ; между прочимъ, она обращала особенное вниманіе «на усиленіе необходимыхъ по тогдашнему времени способовъ къ первоначальному образованіи дѣтей духовнаго класса [2]). При осуществленіи проекта комиссіи были учреждены уѣздныя училища и въ кіевской епархіи, и между прочими и Уманскія приходское и уѣздное училище (4 ноябр. 1823 г.). Съ момента учрежденія уѣздныхъ училищъ духовное просвѣщеніе въ епархіи стало на прочную почву; духовную школу, бывшую доселѣ дѣломъ частной инициативы и благотворительности, беретъ въ свои руки церковное правительство, обезпечивающее ея существованіе и опредѣляющее характеръ и объемъ преподаванія въ ней. Это былъ важный моментъ въ исторіи нравственнаго роста духовенства; съ этого момента духовенство Уманской протопопіи получило возможность для первоначальнаго образованія своихъ дѣтей въ православной школѣ, а не

---

[1]) См. статью: „Западно-русскіе сельскіе пастыри въ борьбѣ за вѣру". Руковод. для сел. пастырей 1898 г. №№ 17—78.

[2]) Статистическій обзоръ духовно учебныхъ заведеній. Церков. Вѣдом. 1895 г. № 15 стр. 507.

въ школѣ инославной, и залогъ дальнѣйшаго развитія и совершенствованія своего.

Посему предложеніе «бывшаго питомца Уманскаго духовнаго училища» ознаменовать 75-ю годовщину своей almae matris имѣетъ за собой глубокій церковно-историческій смыслъ и основаніе.

Въ заключеніе позволимъ сказать нѣсколько словъ на вопросъ: чѣмъ же ознаменовать 75-іе духовной школы? По нашему крайнему разумѣнію, удовлетворительный отвѣтъ но это можетъ дать исторія духовной школы вообще и въ частности Уманскаго духовнаго училища. Печальную страницу въ исторіи духовной школы составляетъ — ничтожное матеріальное обезпеченіе ея; жалобы на это раздавались всегда. Особенно скудно было содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, такъ что годичное содержаніе одного этого воспитанника не превышало 20 руб. ассигнаціями [1]). Этотъ же фактъ констатированъ и относительно духовно-учебныхъ заведеній кіевской епархіи [2]). Въ частности это же нужно сказать и объ Уманскихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ. Оставшіяся въ архивѣ училища книги «полубурсачной суммы» (казеннаго пособія бѣднымъ ученикамъ) показываютъ, что на одного ученика отпускалось не болѣе 20—25 р. ассигнаціями въ годъ. Если въ настоящее время значительно увеличены оклады содержанія казеннокоштныхъ воспитанниковъ, то отчеты Петропавловскаго попечительства при Кіевской Семинаріи все таки убѣждаютъ, что и теперь учащееся духовное юношество крайне нуждается въ самомъ необходимомъ. А вѣдь это бѣдняки, милости и помощи требующіе, идутъ въ семинаріи изъ духовныхъ училищъ!

Итакъ, дерзаемъ сказать, что учрежденіе при училищѣ попечительства о бѣдныхъ ученикахъ достойнымъ образомъ ознаменуетъ 75-лѣтній періодъ въ жизни училища: попечительство всегда можетъ объединять всѣхъ въ любви къ этому духовному питомнику.

П—ій

---

[1]) Статистич. обз. духовно-учеб. заведеній Цер. Вѣд. 1895. стт. 512.

[2]) Тамъ же стр. 511.

Извѣстія и замѣтки.

Письмо харьковскаго архіепископа Амвросія къ Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Кіевскому и Галицкому[1]).

Ваше Высокопреосвященство

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Издаваемый при Харьковской Духовной Семинаріи съ 1884 года богословско-философскій журналъ „Вѣра и Разумъ“ заслужилъ по милости Божіей доброе о себѣ мнѣніе и Правительства и общества. Но извѣстно Вашему Высокопреосвященству, что нынѣ духовныя книги серьезнаго содержанія свѣтскимъ обществомъ выписываются и читаются мало. Вслѣдствіе этого и періодическія изданія означеннаго характера ведутся съ трудомъ, по малочисленности подписчиковъ. Это затрудненіе испытываетъ и означенное изданіе. Посему покорнѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство оказать нѣкоторое содѣйствіе распространенію журнала „Вѣра и Разумъ“ во ввѣренной Вамъ епархіи.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшимъ слугою

Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

16 марта 1899 г.

Обращеніе харьковскаго штундиста-вожака въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

17—19 минувшаго февраля въ Кіево-Печерской Лаврѣ возсоединился съ Православною Церковію Тихонъ Усъ, штун-

---

[1]) Печатается съ благословенія Его Высокопреосвященства митрополита Кіевскаго Іоанникія.

дистъ-вожакъ Харьковской губерніи, Валковскаго уѣзда, хутора Гонтоваго Валковскаго Успенскаго прихода. Усъ пріѣзжалъ въ Кіевъ нарочно съ порученіемъ отъ сектанской братіи удостовѣриться въ существованіи и нетлѣніи св. мощей; удостовѣрившись, онъ тутъ же заявилъ о своемъ возвращеніи въ лоно Православной церкви, послѣ шестилѣтняго блужданія въ сектантствѣ.

Въ 1892 году Усъ возвратился домой изъ военной службы православнымъ; весною того же года былъ совращенъ въ хлыстовство. Но послѣднее, по его словамъ, не удовлетворило его: проповѣдь о томъ, что Іисусъ Христосъ никогда не былъ на землѣ во плоти, а лишь „въ духѣ",—что страдалъ Онъ также духомъ,—безобразныя на собраніяхъ пляски и верченія, эта, по ученію хлыстовъ, „работа Богу", ложныя пророчества и проч. привели Уса къ убѣжденію, что хлыстовство есть душепагубная ересь. И вотъ онъ въ концѣ 1895 года началъ изрѣдка ходить въ церковь сначала въ чужіе приходы ради стыда и страха предъ хлыстами, намѣреваясь съ теченіемъ времени возсоединиться съ православною Церковью открыто.

Но къ несчастію въ 1896 году 6 января онъ попалъ подъ вліяніе штундо-баптиста, который втянулъ его въ новую секту. Въ этотъ день онъ шелъ въ свою приходскую Успенскую, г. Валокъ, церковь; на пути въ городѣ къ нему присталъ незнакомецъ, оказавшійся штундо-баптистомъ; послѣдній, очевидно, зналъ Уса, какъ блуждающаго сектанта, ищущаго истинной церкви, и подстерегалъ, чтобъ увлечь его въ свои сѣти. Съ двухъ-трехъ словъ незнакомецъ коснулся самаго жизненнаго для Уса вопроса объ истинной церкви и указалъ ему, какъ на такую, на штундовое общество. Тутъ же онъ вычиталъ ему множество текстовъ, будто бы направленныхъ противъ иконъ, креста, храма, священниковъ и проч., а при разставаніи снабдилъ его печатными сектанскими лист-

ками. Усъ простоялъ съ нимъ все время, пока окончилась литургія и торжество водоосвященія и, наконецъ, разбитый обольстительными рѣчами въ своихъ намѣреніяхъ, пошелъ домой съ мыслію, прежде чѣмъ возвратиться въ знакомую ему православную церковь, испытать еще вѣру штундистовъ. И вотъ онъ втягивается въ новую секту. Среди мѣстныхъ штундистовъ онъ оказался наиболѣе грамотнымъ и свѣдущимъ въ словѣ Божіемъ. Скоро онъ становится руководителемъ и апологетомъ извѣстнымъ въ цѣлой окружности сектантской (с. Николаевка, Снѣжки, Ковяги, хуторъ Водопой). Его прочили уже возвести, по перекрещеніи, во пресвитера. Но два обстоятельства сильно поколебали его убѣжденія, и онъ опять началъ склоняться въ сторону Православной церкви. Въ своей автобіографіи, присланной намъ, Усъ разсказываетъ: „Въ 1897 году осенью, не помню какого числа, было великое собраніе въ Ковягахъ. На собраніе пріѣхали два чужихъ неизвѣстныхъ проповѣдника. Одинъ говорилъ по-русски совсѣмъ плохо, называлъ насъ не братіями, а „пратіе“. Я хорошо понялъ, что это не русскій человѣкъ. Онъ проповѣдывалъ извѣстное ученіе баптистовъ. Когда онъ кончилъ, то началъ говорить другой незнакомецъ. Этотъ проповѣдыввлъ совсѣмъ уже иное,—что надо посвящать Господу седьмой день—субботу, а не воскресеніе,—свиного мяса не употреблять,—въ воскресеніе можно работать,—что праздники выдумали священники. По окончаніи собранія, онъ оставилъ намъ довольно печатныхъ листиковъ, доказывающихъ, что не должно вѣрить воскресному дню. И первый проповѣдникъ не сказалъ ему ничего напротивъ. Поэтому, послѣ этихъ проповѣдниковъ, у насъ сдѣлалось раздѣленіе, такъ что многіе изъ нашихъ штундистовъ стали праздновать субботу. И самъ я не зналъ, кому вѣрить; я запутался такъ, что просилъ уже Бога, чтобы Онъ послалъ мнѣ смерть; не могъ никакъ понять, какъ теперь вѣровать“. Съ того времени Усъ сталъ сильно сомнѣваться въ истинности штундоваго ученія.

Въ минувшемъ февралѣ пріѣхалъ къ нимъ харьковскій епархіальный миссіонеръ г. Боголюбовъ. На публичныхъ бесѣдахъ съ нимъ Усъ совершенно былъ разбитъ въ мысляхъ, сознаяъ свое заблужденіе и просилъ миссіонера и приходскаго священника разсѣять еще сильное его сомнѣніе относительно мощей; тѣ дали разъясненія, но ими Усъ не удовлетворился. Тогда они подали ему мысль—отправиться въ Кіевъ и на мѣстѣ удостовѣриться въ существованіи мощей, при чемъ имѣлось въ виду, что эта поѣздка окончательно рѣшитъ въ благопріятномъ смыслѣ вопросъ о возвращеніи Уса; а послѣднее въ свою очередь будетъ имѣть громадное значеніе для вразумленія всей сектантской окружности и въ частности—для успѣховъ харьковской миссіи.

Когда колебаніе Уса стало извѣстнымъ, то оно повліяло и на другихъ штундистовъ: теперь многіе призадумались надъ своимъ заблужденіемъ. И вотъ, поколебленные братія рѣшили воспользоваться предложеніемъ миссіонера—послать своего вожака въ Кіевъ—на мѣстѣ увидѣть мощи. „А затѣмъ, говорили они, что ты скажешь по пріѣздѣ,—мы скажемъ: аминь, такъ и будетъ". Братія собрали деньги на проѣздъ, вырядили и слезно просили его объ одномъ—не обмануть ихъ по возвращеніи. И вотъ Усъ, заручившись отъ епархіальнаго миссіонера письмомъ къ священнику Д. Слюсареву, пріѣзжаетъ 17 февраля въ Кіевъ прямо въ Лавру. Вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ теперь онъ въ своей автобіографіи о первомъ впечатлѣніи отъ святынь кіевскихъ. „Въ 12 часовъ ночи (на 18 февраля) богомольцевъ разбудили на заутреню; пошелъ и я; я больше всего обращалъ вниманіе на гробницы, и мнѣ становилось то страшно, то радостно. По окончаніи обѣдни, мы пошли туда, гдѣ мощи Павла Тобольскаго. Когда я увидѣлъ тотъ гробъ, гдѣ почиваетъ онъ, то мнѣ было очень страшно. Врагъ шепталъ мнѣ грѣшному: „не вѣрь въ мощи"... Осмотрѣши Лавру, мы отпра-

вились въ ту церковь, гдѣ почиваетъ Варвара великомученица, потомъ въ соборъ (разумѣется, Софійскій). Тутъ тоже являлась грѣшная мысль не вѣрить мощамъ. Я былъ въ страхѣ и трепетѣ; а когда вышли изъ Собора, то двое товарищей тоже объявили сомнѣніе, что мощей, должно быть, нѣтъ; я говорилъ, что должно—есть; а въ то же время самъ грѣшный имѣлъ въ сердцѣ большое невѣріе". Таково было состояніе Уса предъ обозрѣніемъ мощей.

Того же 18 февраля онъ пришелъ ко мнѣ съ письмомъ отъ Д. И. Боголюбова. Послѣдній просилъ похлопотать, чтобы показаны были Усу св. мощи, въ виду важности его поѣздки. Не медля долго, я съ Усомъ отправился къ о. намѣстнику Лавры, архимандриту Антонію, и изложилъ ему нашу просьбу. Отецъ намѣстникъ разрѣшилъ показать мощи утромъ слѣдующаго 19 февраля и назначилъ сопровождать насъ по всѣмъ мѣстамъ брату Михаилу—монаху благоговѣйному и свѣдущему въ житіяхъ печерскихъ угодниковъ; а въ самыхъ пещерахъ, кромѣ него, имѣли показывать мощи и давать объясненія начальники пещеръ іеромонахи—о. Стефанъ и о. Исихій. Вотъ что пишетъ теперь Усъ о своемъ состояніи предъ посѣщеніемъ мощей. „Пошелъ я искать священника Набережно-Никольской церкви; недолго искалъ, нашелъ того, кому былъ пакетъ, подалъ и очень боялся, потому что не зналъ, что тамъ писалось про меня. Чрезъ полчаса мы поѣхали съ этимъ священникомъ въ Лавру. Священникъ пошелъ въ келлію, а я остался въ корридорѣ и, самъ не знаю отчего, былъ въ великомъ страхѣ. Когда священникъ возвратился и объявилъ, что завтра покажутъ самыя нетлѣнныя мощи, то мнѣ такъ стало страшно, что я съ трудомъ могъ говорить съ священикомъ и отказывался уже смотрѣть мощи; а священникъ убѣждалъ меня, что это Богу такъ угодно допустить меня видѣть св. мощи, что я—какъ Ѳома, которому Самъ Господь показывалъ Свои раны,

чтобы онъ повѣрилъ воскресенію, ...:такъ наставлялъ меня священникъ больше часу, чтобы я не отказывался". Дѣйствительно, Усъ, по выходѣ изъ келлій отца намѣстника, говорившій прежде спокойно о мощахъ, вдругъ сталъ бояться и отказывался отъ своего намѣренія; до того времени невѣровавшій—сталъ говорить, что онъ уже вѣруетъ въ мощи, что боится безпокоить своею просьбою „Игумена" (отца намѣстника), боится, что можетъ быть грѣшно видѣть мощи и Богъ накажетъ за это и т. п. Внушеніемъ благовидныхъ предлоговъ діаволъ очевидно отвлекалъ его отъ святыни и хотѣлъ похитить изъ сердца зародышъ вѣры. Это было 18 февраля вечеромъ. 19-го утромъ мы опять собрались въ покояхъ отца намѣстника и, получивъ отъ него благословеніе, пошли съ братомъ Михаиломъ сначала въ трапезную, потомъ въ Великую Успенскую церковь къ мощамъ святителя Павла Тобольскаго. „Мнѣ было такъ страшно, разсказываетъ Усъ, что я не чувствовалъ на головѣ у себя кожи, а когда показали руки св. Павла, то стало такъ страшно, что я не могъ двинуться съ мѣста, прекратились движенія въ тѣлѣ, я совсѣмъ одеревянѣлъ и увѣровалъ чистою вѣрою, приложился къ рукѣ этого угодника и почувствовалъ облегченіе на душѣ, какъ будто чешуя осунулась съ моихъ глазъ и со всего тѣла".—Къ этому нужно добавить еще слѣдующее. Когда была открыта рука угодника и мы (я, братъ Михаилъ, іеромонахъ открывавшій) приложились, я предложилъ Усу подойти ближе и присмотрѣться; тѣмъ временемъ о. іеромонахъ, кромѣ множества свѣчей, горѣвшихъ у гроба, освѣтилъ еще особо руку угодника тремя вмѣстѣ скрученными свѣчами. Усъ не двигался съ мѣста и смотрѣлъ какъ-то тупо. Тогда я самъ почти притянулъ его ко гробу. Онъ наклонился и нѣсколько времени всматривался; отклонился и опять наклонился. Казалось, что Усъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Пока онъ раздумывалъ, я напомнилъ ему слова

Спасителя: „подай перстъ твой сюда, и посмотри руки мои; подай руку твою и вложи въ ребра Мои и не будь не вѣрующимъ, но вѣрующимъ", и предложилъ ему ощупать руку угодника. Усъ сталъ ощупывать. Прошло еще нѣсколько минутъ его тупаго раздумья. Тѣмъ временемъ о. іеромонахъ сообщалъ ему свѣдѣнія изъ жизни святителя; указалъ между прочимъ на то, что святой почиваетъ въ томъ самомъ облаченіи, въ которомъ былъ положенъ первоначально, между тѣмъ какъ гробовъ подъ нимъ истлѣло четырнадцать. Наконецъ Усъ дрожащимъ голосомъ проговорилъ: „Можно-ли и мнѣ приложиться"? и, положивъ земной поклонъ, перекрестившись, приложился къ рукѣ. „Теперь я вѣрую, чисто вѣрую, теперь не сомнѣваюсь": объявилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ намъ. „Слава Богу! Богъ не допустилъ погибнуть". И пока мы все еще стояли передъ гробомъ, Усъ еще много разъ повторялъ, что теперь онъ радъ, что увѣровалъ. „Правду вы говорили, обратился онъ ко мнѣ,—должно увѣровать какъ тому Ѳомѣ, чрезъ зрѣніе и осязаніе".

Все это происходило при постороннихъ лицахъ. Кромѣ помянованныхъ мною выше, на эту пору случилось два пріѣзжихъ священника, изъ коихъ одинъ—о. Виноградовъ харьковскаго каѳедральнаго собора,—другой не знаю откуда, и двое простыхъ богомольцевъ. Послѣдніе, какъ сообщилъ намъ Усъ, послѣ, были тѣ самые, съ которыми онъ былъ въ Михайловскомъ монастырѣ и софійскомъ соборѣ, которые выражали свое сомнѣніе относительно мощей. Они, узнавъ, что Усу имѣютъ показывать мощи, выждали насъ утромъ и вошли къ гробницѣ Павла Тобольскаго вслѣдъ за нами. Никто изъ насъ не обратилъ на нихъ вниманія, потому что никто не подозрѣвалъ, что они—также сомнѣваются,—стояли себѣ въ сторонѣ и къ мощамъ не прикладывались при насъ. Усъ въ радости пропустилъ и ихъ къ мощамъ и обличилъ ихъ сомнѣніе. Всѣ мы были заняты Усомъ. Отецъ іеромонахъ и

братъ Михаилъ наставляли его житіемъ угодника и чудесами у его мощей; а я тѣмъ временемъ сообщалъ о. Виноградову о личности Уса. О. Виноградовъ, оказалось, бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ съ миссіонерскою цѣлью, по порученію харьковскаго преосвященнаго и знаетъ тамошнее сектантство. Онъ съ своей стороны припомнилъ Усу о своемъ пребываніи въ его мѣстахъ и далъ ему соотвѣтствующее наставленіе. Послѣдній узналъ о. Виноградова и сугубо былъ радъ, что видитъ при этомъ случаѣ знакомаго земляка и того самого священника, съ которымъ они когда-то полемизировали.

Нечего говорить, что всѣ мы были рады вразумленію Уса и вышли отъ мощей Павла Тобольскаго съ настроеніемъ, торжествующимъ побѣду надъ невѣріемъ. Самъ Усъ настолько уже не сомнѣвался, что, когда мы пошли съ нимъ въ пещеры, то онъ просилъ не затрудняться открытіемъ мощей, чтобы не тревожить святыхъ угодниковъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы укрѣпить Уса въ вѣрѣ еще больше, ему были показаны мощи преп. Спиридона просфорника въ Ближнихъ пещерахъ и Игнатія Архимандрита печерскаго въ Дальнихъ (открывали правую руку сихъ угоениковъ). Въ пещерахъ Усъ показалъ себя вполнѣ православнымъ: останавливаясь предъ каждымъ преподобнымъ, онъ ложилъ земной поклонъ, прикладывался и по мѣстамъ опускалъ свою лепту въ кружки для пожертвованій. Начальники пещеръ, водившіе насъ, о. Стефанъ и о. Исакій наставляли его житіями и чудесами угодниковъ, отмѣчая особенно ту сторону въ жизни ихъ и тѣ подвиги, какими тотъ или иной преподобный угодилъ Богу. Съ руки преподобнаго Игнатія дали ему рукавичку для пользованія съ молитвою во время болѣзни. Такимъ образомъ Усъ, обойдя пещеры и поклонившись всѣмъ печерскимъ угодникамъ, укрѣпился вѣрою, насколько можно было судить по немъ, и запасся живыми душеспасительными уроками на новый православный путь жизни.—Когда мы обошли пещеры и вышли

наружу, то братія обступили насъ съ живымъ интересомъ и стали спрашивать Уса, что теперь онъ думаетъ о святыхъ мощахъ и съ какимъ впечатлѣніемъ выходитъ изъ пещеръ. Но Усъ отъ радости не могъ говорить много; онъ только увѣрялъ всѣхъ, что теперь вѣруетъ и благодаритъ Бога, что привелъ его къ мощамъ и не допустилъ погибнуть. Отцы преподали ему напутственное наставленіе и благословеніе. Усъ низко кланялся имъ и благодарилъ, что потрудились для вразумленія его, обѣщалъ посылать къ нимъ и другихъ заблуждающихся своихъ земляковъ для удостовѣренія въ нетлѣніи мощей.

По выходѣ изъ пещеръ, мы (я, братъ Михаилъ и Усъ) опять направились къ о. намѣстнику повѣдать и ему объ обращеніи Уса. Отецъ намѣстникъ благословилъ его св. иконою угодниковъ печерскихъ и много говорилъ на тему о врагахъ св. Православной церкви и о томъ, что въ дѣлѣ спасенія должно руководствоваться голосомъ пастырей церкви, а не самозванныхъ учителей. Братъ Михаилъ снабдилъ Уса религіозно-назидательными брошюрками. Послѣдній вышелъ изъ келлій о. намѣстника совершенно инымъ человѣкомъ, съ новымъ радостнымъ настроеніемъ. О такомъ своемъ состояніи онъ не разъ повторялъ: „какъ будто чешуя спала съ глазъ; на душѣ *отлягло*".

Теперь на обязаности Уса лежало—увѣрить въ нетлѣніи мощей, по пріѣздѣ домой, и другихъ заблуждающихся братій, имѣя въ виду искреннюю просьбу не обмануть ихъ. Съ другой стороны предвидя, что найдутся и недовольные такимъ результатомъ его поѣздки и станутъ распространять ложныя предположенія о немъ въ родѣ того, что онъ не досмотрѣлъ настояще, что его тутъ обманули, провели и т. п., имѣя это въ виду, Усъ просилъ выдать ему форменное удостовѣреніе въ томъ, что ему дѣйствительно были показаны мощи, и онъ видѣлъ ихъ при такихъ-то свидѣтеляхъ. По его

просьбѣ, я составилъ актъ о всемъ вышеизложенномъ съ прописаніемъ поименованныхъ свидѣтелей и выдалъ ему на руки. Уѣзжая, онъ обѣщалъ влазумлять, по мѣрѣ силъ, заблуждающихся.

Недавно приходскій священникъ Валковской Успенской церкви увѣдомилъ насъ, что Усъ говѣлъ на первой недѣлѣ прошлаго великаго поста; послѣ литургіи въ субботу былъ прочитанъ вслухъ всѣхъ упомянутый актъ; самъ Усъ, обратившись къ народу подтвердилъ истинность прочитаннаго, исповѣдалъ свое заблужденіе и увѣщавалъ другихъ не вѣрить больше сектантамъ.

Священникъ *Д. Слюсаревъ.*

— **Разъясненіе закона о бракѣ.** Въ виду того, что ни въ Уставѣ духовной консисторіи, ни въ законахъ гражданскихъ не содержится никакихъ указаній на необходимость предъявленія при бракосочетаніи метрическаго свидѣтельства о рожденіи брачущихся, Св. Синодъ разъяснилъ, какъ сообщаютъ «Бирж. Вѣд.», циркулярно по всѣмъ епархіямъ для руководства духовенства, что пріостановленіе вѣнчанія браковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не оказывается по метрической книгѣ записи о рожденіи жениха или невѣсты, но въ достиженіи брачущимися установленнаго для брака возраста причты никакого сомнѣнія не встрѣчаютъ, не имѣетъ правильнаго и законнаго основанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Св. Синодъ призналъ неправильнымъ требованія со стороны консисторій, чтобы въ ходатайствахъ о дозволеніяхъ вступить въ бракъ въ допускаемыхъ церковными правилами степеняхъ родства или свойства мѣстнымъ духовенствомъ изложены были причины, вызывающія нужду въ подобномъ бракѣ, и что-бы прилагаемыя при ходатайствахъ для выясненія родства или свойства метрическія выписи оплачивались гербовымъ сборомъ. „Кіевл.“.

Неоффиціальной части редакторъ, прот. *Павелъ Троцкій*.

Отъ Кіевск. духов. цензурн. Комитета печат. дозвол. 28 апрѣля 1899 г.
Цензоръ, проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Михайл., ул., д. № 4.